

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

АЛГЕБРА РОДСТВА

РОДСТВО
СИСТЕМЫ РОДСТВА
СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА

Выпуск 9

Санкт-Петербург
2005

Н. А. Тадина

ТРИ ЛИНИИ РОДСТВА И АВУНКУЛАТ У АЛТАЙЦЕВ*

Алтайцы – титульный этнос Республики Алтай, состоит из нескольких этнотерриториальных групп. В горной части Алтая расселены южные алтайцы – алтай-кижи, телеуты и теленгиты, а в предгорной – северные (тубалары, челканцы и кумандинцы). Северные алтайцы подверглись большей ассимиляции русскими, чем южные, которые не утратили основ традиционной культуры.

Впервые линии родства у алтайцев (алтай-кижи и телеутов) были выделены Н.П.Дыренковой: «Родство различается: по отцу – карындаш, т.е. единоутробный, по матери – таі, и в замужестве – каін (мужчины двух породнившихся женитьбой сөөк'ов называются куда́м (сваты), женщины – кудагаі)» [7, с. 255].

Данная статья вызвана необходимостью пополнить сведения Н.П.Дыренковой, записанные почти столетие назад, а также проследить эволюцию СР алтайцев через призму родовых отношений с использованием собственных полевых материалов, собранных у южных алтайцев¹.

Каждый алтаец относит себя к определенному сеоку (*сөөк*), который характеризуется патрилинейностью и экзогамностью, что позволяет соотнести его с понятием «род». Слово «сеок» буквально означает 'кость'. По переписи 1897 г. у алтайцев насчитывалось 68 сеоков [16, с. 92]. В середине XX в. Л.П.Потапов зафиксировал 53 сёока [10, с. 20]. По моим полевым материалам, наиболее крупными родами являются *кыпчак*, *төлөс*, *майман*, *тодош*, *иркит*.

Большинство сеоков дробится на несколько подразделений, обычно на три, семь, девять. Так, сеок *кыпчак* состоит из 9-ти подразделений: *котоі кыпчак*, *казак кыпчак*, *сураз кыпчак*, *тумат кыпчак* и др.; сеок *тодош* – из 3-х: *кара тодош*, *манји тодош* и *кыдат тодош*; сеок *майман* – из 2-х: *кара майман* и *көгөл майман*; *иркит* – из *кара иркит* и *сары иркит* и др. Кроме того, все сеоки, кроме *майман*, *иркит* и *тојжоон*, объединяются в группы с самым многочисленным родом во главе. Так, сеоки *мундус* и

* Статья подготовлена в рамках реализации проектов, поддержанных РФФИ (№№ 02-06-80311а, 04-06-88004к).

кергил, возглавляет сеок кыпчак; *көбөк, жети тас, оргончы, моол* и *алмат* – төлөс; *очы, чатты* и *чагандык* – тодош.

Среди современных алтайцев почти каждый по отношению к другому является родственником или свойственником и ведет себя с учетом того, к какому роду относятся он и окружающие – к сеоку отца или родственному сеоку (*карындаш сөөк*), сватовскому сеоку (*куда сөөк*), либо к сеоку матери (*таай сөөк*). Необходимость учитывать принадлежность каждого к сеоку дает ориентир в достаточно сложных правилах общения. Обычно при знакомстве называют свое имя, место рождения и проживания, а также свой сеок и, кроме того, сеок матери. Даже незнакомый человек, принадлежащий к одному из таких сеоков, считается родственником.

Отцовская линия родства называется *карындаш*. Этот термин образован от слова *карын*, что означает 'утроба', и переводится как *единоутробный*. Кровное родство «карындаш» подразумевает: 1) братьев и сестер, рожденных матерью от одного отца, следовательно, относящихся к одному сеоку; 2) представителей одного сеока и его подразделения; 3) представителей родственных сеоков, объединенных в группу.

В народном представлении родство по сеоку считается кровным, сколько бы поколений не отделяло и какое бы расстояние не разделяло: «Сөөк как родовая форма деления... имеет свои традиции. Сөөк, прежде всего, есть кровное родство... Лица одного сеока называют друг друга по-родственному дядья, сестры, братья и т.д. Свой сөөк для алтайцев составляет гордость» [4, № 179, л. 2–3]. В силу кровного родства браки между сородичами одного сеока и сеоков-«карындаш» не допускаются.

Основным источником информации по теме стали родовые генеалогии (*ук/уктар*). Традиция передачи памяти о предках от 7 до 12 поколений известна издавна: «свою родословную по восходящей линии отца или матери алтайцы ясно представляют и передают до седьмого поколения» [1, с. 23]. В течение 1990-х гг. традиции народа возобновились и были составлены генеалогии сеоков по памяти старших поколений. Важно то, что родовая генеалогия представляет собой не только перечень кровных предков, но и содержит сведения о сеоках матери и жены, выступает регулятором родовых отношений.

Родословные подтверждают вывод о том, что в основе экзогамии лежит не запрет, а обязательность оптимального воспроиз-

водства, сначала биологического в некотором социальном и культурном контексте [6, с. 14]. Считается, что при соблюдении экзогамных правил обеспечивается здоровое потомство, увеличивается его численность, а родовое древо становится ветвистым, о чем в народе с одобрением говорят: «угы-төзи калы; улус (люди многочисленной родословной)». В противном случае родовая генеалогия становится немногочисленной и может даже оборваться: «угы жукарып ла үзүлип калар». При выборе спутника жизни это обстоятельство учитывается, о чем Н.П.Дыренковой было записано: «Предпочтительно берут жен из многолюдных сөөк'ов. Сөөк'и малочисленные, а особенно вымирающие избегаются» [7, с. 253].

Нарушение обычая экзогамии между «карындаш» приравнивается к инцесту и в глазах сородичей считается аморальным поступком. Это пример того, как родовой запрет перерос в этическую норму общества. Неслучайно, слово «карындаш» используется как ТР, обозначающий *младшего брата*. Родовая экзогамия в рамках «карындаш» стала составной частью обычая *алышпас* ('не вступать в брак'), который также включает брачные запреты среди сватовских и материнских сеоков.

По данным родовых генеалогий, за последние 3 поколения происходили экзогамные нарушения (*алыжып койгон*) между сёоками-«карындаш», внутри сёоков, а порою в одной родословной. С одной стороны, это экзогамное нарушение не позволяет придерживаться послесвадебных родовых традиций, которые предусмотрены между неродственными сёоками. С другой стороны, сложилось представление о последствиях кровосмешения. Считается, что именно дочь от такого брака унаследует проблемы умственного и физического развития. В силу этого, ее остерегаются брать в жены.

Следующая линия родства закладывается через связь по браку, названная Н.П.Дыренковой «родством кайын», а А.В.Анохиным объяснена: «Каи; и каин – береза и родство, старшие родственники мужа. Это название связано с обрядом свадебным, который совершается в обстановке березы. Отсюда родство называется каин» [4, № 104, л. 8]. Действительно, березу (*кайы;*) как свадебное дерево выставляют у входа, в дымоход, на почетном месте юрты и используют для занавеса новобрачных². Термин «кайын» обозначает старших родственников мужа, по отношению к которым молодая соблюдает обычай избегания, называемый *кайын-*

даш. Таким образом, слова «кайыҗ» и «кайын» созвучны, но не обозначают родство по браку.

Опыт изучения родовых генеалогий показал, что между сеоками, являющимися не родственными, до сих пор наблюдается постоянный брачный «обмен». Эту особенность в свое время описала Н.П.Дыренкова: «Обязательных родов для женитьбы нет, хотя, обычно, придерживаются определенных сөөк'ов» [7, с. 253]. В составе популяций родовых территорий сложились пары сватовских сеоков, причем из многочисленных и характерных для данного региона. Следует подчеркнуть, что таких пар на одной территории может быть несколько, они также могут существовать на другой территории в сочетании другими сеоками.

К числу брачующихся сеоков можно отнести: *тодош* и *иркит*, *иркит* и *кыпчак* долин рр. Песчаной и Чарыш (Шебалинского и Усть-Канского р-нов Республики Алтай), *кыпчак* и *тёлёс* долины р. Урсул, *майман* и *тодош* долины р. Каракол (Онгудайского р-на), *сойоҗ* и *майман* долины Оймон (Усть-Коксинского р-на). Сватовские сеоки, как и родство по браку, можно называть «куда сөөк» и «родство куда»: «Куда является “взаимным” термином родства... Содержание этого термина соответствует русскому понятию “кумовство”... Кудам является мужским термином, а для выражения понятий “сватья”, “сваха”, “кума” имеются специальные термины, производные от куда – кудагай» [9, с. 73].

Брачные ограничения по обычаю *алышпас* относятся к близким свойственникам (*јуук кудалар*). По этому поводу А.В.Анохиным записано, что не допускается брак зятя с тещей, невестки со свекром, отчима с падчерицей, мачехи с пасынком, двух родных братьев, а также отца и сына с двумя родными сестрами [4, № 104, л. 8, № 179, л. 11]. Информаторы особо отмечают важность брачных запретов между близкими свойственниками по этическим соображениям («*уй-малга тўҗейлештес*», что дословно означает «не уподобляться скоту»). Обычай левирата соблюдался в тех случаях, если вдова имела детей, которые в противном случае остаются у родителей отца как члены его сеока [8, с. 41; 14, с. 223–226; 16, с. 118].

Характерной особенностью генеалогического древа патрилинейного сеока является учет и фиксация материнской линии родства. Почитание материнского сеока (*таай сөөк*) выражается в особо почтительном отношении к его представителям. Родственники матери не являются кровными, по сравнению с линией отца

«карындаш», но составляют особую старшую категорию, называемую «*таай*». Если по отношению к людям из сеока отца соблюдается возрастная градация, то родственники по линии матери не различаются по возрасту. К ним, даже к малолетним, обращаются на «Вы» и терминов младшей категории не используют.

Предпочитается заключение брака с представителем материнского сеока, при этом различают близкое и дальнее родство. О брачных нормах алтайцев исследователи обычно писали, что «преимущественно женятся на роде своей матери» [7, с. 254]. Собранные полевые материалы подтверждают, что идеальным считается женитьба на *таай эје* – дочери брата матери, принадлежащей к сеоку матери жениха. В этом случае жених является для невесты *јеен* – племянником. По обычаю «алышпас» запрещается выход замуж за *таай* – сына брата матери, хотя и относящегося к сеоку ее матери, но находящегося в близком родстве: *јуук таайына барбас*. Об этом у Н.П.Дыренковой записано: «За тай – сына брата матери – нельзя выходить, по крайней мере, до четвертого колена (тöрт үјä), а во многих местах и дальше» [7, с. 254]. У А.В.Анохина есть этому подтверждение: «Родство по линии матери в четвертом колене совершенно исчезает, по линии отца, наоборот, никогда не исчезает» [4, № 186, л. 25].

Главным обрядовым действием считается не женитьба, а выход замуж, причем желательнее за представителя сеока матери или матери ее матери, не относящегося к близкому родству³. Такой вариант кросскузенного брака не нарушает брачных традиций, поскольку вступающие в брак принадлежат к разным и не родственным сеокам. Это экзогамное правило заключено в поговорке:

*Ада угунај алышпас Из отцовской родословной не берут (в жены),
Эне угунај алышсар. Из материнской родословной следует брать.*

По выходе замуж принадлежность к своему сеоку не меняется, иначе экзогамия утратила бы всякий смысл. В определении статуса замужней женщины отражена общественная значимость сеока мужа. Вышедшую замуж обычно называют *келин* и определяют ее по сеоку мужа. Если тот из сеока кыпчак, то ее именуют: «*кыпчактардыј келди (пришедшая (по браку) в сеок кыпчак)*». Та о своем замужестве скажет: «*барган јуртым кыпчак (вошла в семью кыпчаков)*».

Родство начинается в семье и в основе его лежит одна из ветвей генеалогии сеока, его деления, к которому относится отец семейства. Дети являются прямыми наследниками его сеока.

Отец и сыновья входят в родовое ядро и, как мужчины, передают потомкам принадлежность к своему сеоку. Дочери, продолжая род мужа, не передают потомству свой сеок. О патрилинейности родства в народе принято говорить: «эр кижси ук улалтын јат (мужчина продолжает род)».

Родство различается как по сеоку отца, так и по сеоку матери, потому что в формировании потомства принимают участие оба родителя. Согласно народным представлениям, ребенок возникает в утробе матери в виде «красного червя». По материалам А.В.Анохина у телеутов зародыш ребенка так и назывался *кызыл курт* [2, с. 254]. Важно, чтобы между родителями не было родства по крови, так как состоящие в родстве «карындаш» имеют одинаковую кровь (*каны түйей*). Считается, что нарушение экзогамного запрета «алышпас» может вредно сказаться на зародыше ребенка, развивающемся из спермы (*төл*) отца и крови (*кан*) матери: *төл-канынај бұткен*. Не случайно, в языках соседних тюркоязычных народов слово «төл» имеет несколько значений одного порядка: у шорцев обозначает сеок [3, с. 53], у телеутов – фамилию [15, с. 45]. Об условной доле участия каждого родителя в зачатии ребенка в народе образно сказано:

*Сбдк-тайагы аданај,
Кан-балтыры энегеј.*

*Кости-опора (скелет) от отца,
Кровь-мышцы (плоть) от матери.*

Говоря о родовом происхождении, важную роль отводят матери, которая родила, а не отцу, «давшему кости». При знакомстве старшие спрашивают: «Кемнеј чыккан? (От кого рожден?)», имея в виду сеок матери для определения материнской линии родства. При ответе неизменно называется сеок отца, ставший своим, а затем сеок матери. Отвечают примерно так: «Сбдгим кыпчак, иркиттеј чыккам (Мой сеок кыпчак, родился от (матери) сеока иркит)».

Родство – это связь по рождению и сам термин «родство» во многих этнических культурах указывает на это, так как происходит от слов «роды», «рождение» [5, с. 78–103]. Алтайский термин *төрөгөн* также происходит от слова 'родила' и обозначает родственников всех категорий, в том числе, и кровных «карындаш». Мать является родной для рожденного ее ребенка не по сеоку (кости), а по факту его рождения. Для нее он *балам* ('мой ребенок'), независимо от пола. Напротив, для отца пол ребенка важен, породив сына, он называет его наследником следующими выражениями – *сидигим* ('мой отпрыск'), *үреним* ('мое семя').

О значимости патрилинейности родства свидетельствует обычай усыновления сирот из сеока отца семейства. Об этом А.В.Анохин записал: «дети родственников, принятых в семью, называют "бойымны; ёскүс карындажым" ("свой сирота брат (или сестра) по сеоку". – Н.Т.). Если умрут родные, то дядя по отцу обязан взять оставшегося ребенка. Дядя по матери такой обязанности не несет» [4, № 98, л. 7]. Приемного ребенка считают породненным и называют *азыранты бала* ('вскормленник'). Такое «родство по кормлению» подразумевает весь процесс воспитания, обучения и социализации его в семейно-родственной среде.

Причем, в семье могли воспитываться не только родные дети, называемые *чулу*, но и незаконнорожденные – *сурас* (этот термин вошел в язык русских сибиряков). Незаконное рождение всегда влияло на статус ребенка. При малолетстве название его вслух звучало как оскорбление и ругательство. По этой причине используется более мягкое название – *ада јок бала* ('безотцовщина'). Вопрос о его сеоке обычно задается так: «*Угы кайда; бүйткен? Кемне; бүйткен? (Его род откуда происходит? Сам от кого происходит?)*». Мать может скрыть имя его отца, но настоящая сеок (*чын сёёк*) должна назвать. Информаторы утверждают о важности и необходимости знания своего сеока незаконнорожденным для последующего соблюдения норм экзогамии.

Воспитание неродных детей считается делом чести сеока, о чем принято говорить так: «*тодош угында ёскөн (рос в роду тодошей)*». В качестве прямого обращения обычно используют термины кровного родства. Для обозначения чужеродности добавляют частицу *ёй*, в смысле 'неродной': *ёй ада* ('отчим'), *ёй бала* ('неродной ребенок') и т.д. и говорят так в третьем лице. Полевые материалы по обычаю *альшпас* подтверждают сведения Н.П.Дыренковой: «Сироты, усыновляемые сёёк'ом, не могут между собою вступать в брак, хотя они и из разных сёёк'ов. Жениться на роде отчима или мачехи можно» [7, с. 252].

Во многих случаях незаконнорожденный ребенок при замужестве своей матери воспитывается у ее родителей, как рожденный их дочерью. Его образно связывают с почитаемым очагом: «*күлге түйшкен, буурым јылыткан јееним (на пепел упавший, мою печень согретый мой племянник)*». В одной из моих предыдущих статей изложена специфика терминологии «таай»: «Дети дочерей принадлежат к сеоку зятя, поэтому для родителей матери они являются "*јеендер*" ("племянниками")». Последние обращаются к ро-

дителям матери на “Вы”, употребляя термин “*таадам*” (“мой отец по матери”), “*таайнам*” (“моя мать по матери”), а те, в свою очередь, “*јееним*” (“мой племянник”, “моя племянница”)»⁴.

В жизни детей важная роль отводится мужчинам. Кроме родного отца, особое социальное значение имеет *таай* – брат матери. Словом, родные братья матери, все мужчины из ее сеока, даже малолетний мальчик, для ее детей являются «таай». К числу *тӧс таай* (*родовитый таай*) относится брат бабушки по матери. Вторыми по значимости выступают женщины: сестра матери (*таай эје*) и ее муж (*таай јесте*), жена брата матери (*таай јеје*). Всем им как из сеока «таай» в доме племянников всегда выражают почтение: их принято пригласить на почетное место и первыми угостить. Во время свадьбы таай невесты первым повязывают опояской в знак уважения.

Между дядей и племянником существуют особые отношения, согласно установившимся правам и обязанностям, известным как обычай авункулата [8, с. 18–45]. При совершении узловых обрядов и ритуалов жизненного цикла прослеживается родственная связь. После рождения племянника (или племянницы) *таай* принимает активное участие во всех ритуалах и обрядах: положения новорожденного в колыбель и наречения его, подстригания и разрезания ему пут в годовалом возрасте. Обычно *таай* невесты дает сватам согласие на ее брак и принимает активное участие в сватовских переговорах. *Таай* же жениха играет роль главного свата и руководителя свадьбы. В ритуале избегания молодой из всех старших мужских родственников мужа особо почитается его дядя по матери (*таай кайыны*). Жизненная важность родства *таай* выражена народной мудростью⁵: «*бажыма кыл берген, балтырыма эт бӱдӱрген укту-тӧстӱ таайым (моей голове волосы давший, моим мускулам мясо нарастивший мой родовитый дядя по матери)*».

Следует особо подчеркнуть, что народное представление о происхождении ребенка из “крови и плоти” матери, а его здоровья – за счет “волос и мускул” ее брата объясняет устоявшееся убеждение о наследуемых качествах характера и даже внешности от родственников матери. Результат народных наблюдений на протяжении многих поколений изложен в выражении, ставшем штампом: «*таай угунај уктап јеен балага тӱжер (от рода таай наследуясь, племяннику перейдет)*». Таким образом, объясняется передача неординарных способностей детей, положительно или

отрицательно оцениваемые в обществе. При этом существует представление, что хорошие качества, как правило, не наследуются: «*јақшы неме түшпес*». Ритуальная связь дяди по матери с племянником настолько крепка, что находит свое выражение в физиологическом объяснении родства.

Самым показательным обычаем авункулата являлся *баркы*. Смысл его выражался в закреплении родственных отношений между *таай* и его племянником. В разделе «Простые и родовые подарки у алтайцев» А.В.Анохин пишет: «Баркы, как обязательный подарок, дается дядей племяннику только по линии матери. По существующему обычаю племянник в любое время имеет право взять от дяди “баркы”, выражающийся в большинстве случаев в лучшем коне, или в таком коне, который больше нравится племяннику. Прием коня племянником от дяди сопровождается всегда в обычном порядке. Племянник обычно приезжает к дяде с вином, соблюдая при этом обычный этикет гостеприимства. Дядя по матери всегда предвидит приезд племянника за “баркы”, а поэтому к определенному моменту удерживает в своих табунах лучших лошадей и ни в коем случае не продает их. Может случиться так, что племянник запросит как раз проданную лошадь.

Дядя, продавший эту лошадь, таким образом, может поставить себя в неприятное положение. А это считается с точки зрения обычаев алтайцев неприличным, позорным поступком, вызывающим стыд. Если у дяди племянников несколько, то дары обыкновенно даются только старшему и младшему племяннику. Другие племянники не претендуют на “баркы”, но дядя по собственному желанию иногда награждает их или лошадью или другими вещами хозяйственного характера: кошмой, кожей, шубой, овчинами и т.д. О “баркы” алтайцы думают как о священной обязанности. Этот обряд всегда выполняется безропотно. Они думают так: если не дать баркы, то счастья не будет, бог накажет и пошлет на скот волков. Отсюда у алтайцев такая мораль: лучше отдать семи племянникам, чем семи волкам» [4, № 113, л. 14–15]. По прошествии трех лет, когда от подаренного скота появлялся приплод, племянник отдаривал его сыну таай. Такой дарообмен сплачивал их родственными узами, что считалось характерной чертой семейного и общественного быта.

Следует отметить, что во второй половине XIX в. обычай *баркы* постепенно утратился и был заменен мелкими подарками: например, племяннице – отрез на платье или украшение, а племян-

нику – ружье. Одной из причин замены родового обычая стало сокращение пастбищ и поголовья скота – основного средства существования, что вызвало резкое обнищание каждой семьи и люди были экономически не в состоянии соблюсти все требования традиций. В наши дни сохранился упрощенный вариант обычая *баркы*: получив на пиру мясное угощение и отведав, таай передает его своему племяннику.

Родовая обязанность соблюдения обычая *баркы* настолько крепка, что племянника, как потенциального получателя, стали называть *баркы* (во множественном числе – *баркылар*). Родители детей своего сына называют внуками (*балдар*), так как они принадлежат к сеоку их семьи, а детей же дочери – племянниками (*јеендер*) как относящихся к другому сеоку, сеоку их зятя. Существует общее название потомков, состоящее из двух приведенных терминов – *бала-барка*. В результате слово «баркы», означающее один из обычаев авункулата, приобретает значение ТР и живет теперь как дань ушедшей традиции.

Таким образом, родство у алтайцев определяется принадлежностью к сеоку – отцовскому-«карындаш», материнскому-«таай» и сватовскому-«куда». Обычай экзогамии *алышпас* соблюдается по отношению к кровным «карындаш», родственникам «таай» и сватовским «куда» сеоков, состоящим в близком родстве. Родовые генеалогии в роли показателя нарушений *алышпас* регулируют продолжение рода в биологическом и социальном смысле. Значимость сеока «таай» выражается в жизни родных, сураc и приемных детей посредством соблюдения родового обычая *баркы*, сохранившегося в упрощенной форме и в роли термина родства, возникшего как эвфемизм.

¹ Полевой материал записан автором статьи в 2002–2004 гг. от информаторов Шебалинского района: Кокпоевой Майи Куйруковны, 1940 г.р., сеок мундус, с. Шыргайты; Самыковой Торкочи Табачиновны, 1917 г.р., сеок чапты, с. Каспа; Усть-Канского района: Клешевой Шымы Захаровны, 1923 г.р., сеок очы, с. Кырлык; Елдошевой Аражан Петровны, 1909 г.р., сеок кылчак, с. Усть-Кан.

² Подробнее см.: [12, с. 211].

³ Подробнее см.: [11, с. 25].

⁴ Подробнее см.: [13, с. 224].

⁵ Согласно народному представлению, развитая мускулатура означает богатырскую силу, а волосы на голове – жизненную энергию. Ср.: в мифе о создании мира сказано, что небесный бог Кудай имел *тукту баш* (голову с волосами), а подземный правитель Эрлик – *куу баш*, т.е. лысую голову (череп – символ смерти).

1. *Анохин А.В.* Материалы по шаманству у алтайцев // СМАЭ. Т. IV. Л., 1924.
2. *Анохин А.В.* Душа и ее свойства по представлению телеутов // СМАЭ. Т. VIII. Л., 1929.
3. *Анохин А.В.* Кузнецкие инородцы Томской губернии // Шорский сборник. Вып. 1. Кемерово, 1994.
4. *Анохин А.В.* Полевые материалы по алтайцам // Архив МАЭ. Ф. 11, оп. 1.
5. *Бутинов Н.А.* Экзогенное родство // АР-4.
6. *Гиренко Н.М.* Латеральность и линейность как дифференцирующие признаки социального организма родства // АР-3.
7. *Дыренкова Н.П.* Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1924.
8. *Дыренкова Н.П.* Пережитки материнского рода у алтайских тюрков // СЭ. 1937. № 4.
9. *Покровская Л.А.* Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
10. *Потапов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969.
11. *Тадина Н.А.* Алтайская свадебная обрядность. Горно-Алтайск, 1995.
12. *Тадина Н.А.* «Мать»-Береза в семейной обрядности алтайцев // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Томск, 1999.
13. *Тадина Н.А.* Система терминов родства и этикетные нормы обращения у алтайцев // АР-4.
14. *Тоцакова Е.М.* Обычай левирата у южных алтайцев // Сибирский тюркологический сборник. Новосибирск, 1976.
15. *Функ Д.А.* Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XVII. М., 1993.
16. *Швецов С.П.* Горный Алтай и его население. Т. 1. Барнаул, 1900.